

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
16 March 2022
Russian
Original: French

Комитет по правам ребенка

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 74/2019* **

<i>Сообщение представлено:</i>	З.С. и А.С. (представлены адвокатом Клаусфранцем Рюст-Хели)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	К.С. и М.С.
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата сообщения:</i>	20 сентября 2018 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	10 февраля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Российскую Федерацию; доступ к медицинской помощи
<i>Процедурные вопросы:</i>	отсутствие разрешения; неисчерпание внутренних средств правовой защиты; необоснованность утверждений; неприемлемость <i>ratione temporis</i> ; возможность защиты в судебном порядке прав, закрепленных в Конвенции
<i>Вопросы существа:</i>	наилучшее обеспечение интересов ребенка; эффективное средство правовой защиты; право на здоровье; пытки и неправомерное обращение
<i>Статьи Конвенции:</i>	2, 3, 4, 6 (пункт 2), 8 (пункт 2), 11, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 34, 36 и 37 (пункт а))
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	7 (пункты с), е), f) и g))

* Приняты Комитетом на его восемьдесят девятой сессии (31 января — 11 февраля 2022 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Сюзанна Ао, Хинд Аюби Идриси, Ринчен Чопхел, Браги Гудбрандссон, Сопио Киладзе, Гехад Мади, Бэньям Дэвйт Мэзмур, Кларенс Нелсон, Микико Отани, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Зара Рату, Хосе Анхель Родригес Рейес, Энн Мэри Скелтон, Велина Тодорова и Бенуа Ван Кейрсбилк. В соответствии с пунктом 1 а) правила 8 правил процедуры согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, в рассмотрении сообщения не принимал участия член Комитета Филип Жаффе.

1.1 Авторами сообщения являются граждане Российской Федерации, выходцы из Чечни, З.С., 1982 года рождения, и А.С., 1975 года рождения. Они представляют сообщение от имени своих детей, К.С., 2006 года рождения, и М.С., 2012 года рождения, которые также являются российскими гражданами. Авторы утверждают, что государство-участник нарушило права К.С. и М.С. по статьям 2, 3, 4, 6 (пункт 2), 8 (пункт 2), 11, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 34, 36 и 37 Конвенции. Они представлены адвокатом Клаусфранцем Рюст-Хели. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 24 июля 2017 года.

1.2 6 февраля 2019 года в соответствии со статьей 6 Факультативного протокола Рабочая группа по сообщениям, действуя от имени Комитета, приняла решение не направлять просьбу о применении временных мер в соответствии со статьей 6 Факультативного протокола и правилом 7 своих правил процедуры в соответствии с Факультативным протоколом.

Факты в изложении авторов

2.1 26 апреля 2012 года авторы и К.С. прибыли в Швейцарию, где подали ходатайство о предоставлении убежища, в котором было указано, что они подверглись угрозам со стороны чеченских властей после того, как А.С. отказался шпионить за своим знакомым. Своим решением от 27 сентября 2012 года Федеральное управление по вопросам миграции отклонило их ходатайство на основании того, что утверждения авторов не отвечают критериям достоверности. 5 февраля 2013 года Федеральный административный суд подтвердил это решение. 16 декабря 2013 года авторы, К.С. и М.С., которая родилась в ходе разбирательства, добровольно вернулись в Российскую Федерацию.

2.2 3 августа 2015 года семья снова прибыла в Швейцарию и в устной форме представила новое ходатайство о предоставлении убежища. Она была помещена в центр Зебен, предназначенный для лиц, которым было отказано в предоставлении убежища, без возможности получения школьного образования и государственной социальной помощи, несмотря на то что официального решения о помещении семьи в этот центр и лишения ее социального обеспечения вынесено не было. Требование о вынесении таких решений установлено Законом Санкт-Галлена об отправлении правосудия по административным делам. 9 октября 2015 года без проведения слушания Государственный секретариат по вопросам миграции¹ отклонил ходатайство авторов на основании того, что утверждения авторов не соответствуют ни требованиям статьи 3 Закона № 142.31 от 26 июня 1998 года о предоставлении убежища, касающимся статуса беженца, ни требованиям статьи 7 того же закона, касающимся достоверности утверждений. 21 сентября 2017 года Федеральный административный суд отклонил поданную авторами апелляционную жалобу.

2.3 С момента своего рождения в августе 2012 года М.С. была почти полностью глухой и нуждалась в кохлеарном импланте. Во время пребывания семьи в Швейцарии ее обучали немецкому жестовому языку, что было недостаточным для развития ее языковых навыков². При этом в своем решении от 5 февраля 2013 года Федеральный административный суд не рассмотрел вопрос о том, может ли ей быть установлен кохлеарный имплант в Российской Федерации. 9 ноября 2016 года в ответ на запрос лечащего врача Центра детской и подростковой психиатрии о предоставлении М.С. надлежащей медицинской помощи и специализированного образования, сделанный в соответствии со статьей 443 Гражданского кодекса Швейцарии, Управление по защите детей и взрослых Тоггенбурга ответило, что такой запрос целесообразен с медицинской точки зрения, однако он уже был представлен Центром детской

¹ Государственный секретариат по вопросам миграции сменил Федеральное управление по вопросам миграции 1 января 2015 года.

² Авторы ссылаются на результаты оценки, проведенной 11 апреля 2017 года в Логопедической школе Санкт-Галлена, согласно которым М.С., в частности, может использовать жестовый язык для выражения определенных намерений, но что ее языковых навыков недостаточно для выражения более сложных задач и что в дальнейшем она, скорее всего, будет зависеть от помощи ухаживающего за ней лица.

неврологии, развития и реабилитации при Детской больнице восточной части Швейцарии и отклонен Ассоциацией мэров кантона Санкт-Галлен. Кроме того, Кантональное управление по вопросам миграции в устной форме отказало в финансировании установки импланта. Согласно письму от 31 августа 2016 года из кантональной больницы Санкт-Галлена, у М.С. отмечается практически полная глухота на оба уха и задержка языкового и общего развития. В письме указано, что ей показан кохлеарный имплант, что его установка возможна только в первые годы жизни ребенка и что в течение как минимум двух–трех лет потребуются наблюдение за этим ребенком. Авторы также ссылаются на заключение из Детской больницы восточной части Швейцарии от 24 июля 2017 года, в котором подтверждается вся эта информация и отмечается, что М.С. должна посещать специальную школу для слабослышащих детей.

2.4 К.С., который не был заслушан в ходе предыдущего разбирательства, подал собственное ходатайство о предоставлении убежища 6 февраля 2018 года. 15 февраля 2018 года без предоставления К.С. возможности быть заслушанным Государственный секретариат по вопросам миграции отказался рассматривать по существу его ходатайство, которое он квалифицировал как ходатайство о пересмотре решения по делу. Государственный секретариат счел, что основания для подачи К.С. ходатайства, включая диагноз о наличии у него посттравматического стрессового расстройства³ и вопрос о том, как возвращение в Российскую Федерацию повлияет на его успеваемость в школе, а также на его социальное, психическое, интеллектуальное, языковое и психологическое развитие, уже были рассмотрены в ходе предыдущего разбирательства. 5 марта 2018 года Федеральный административный суд отклонил поданную им апелляционную жалобу.

2.5 20 марта 2018 года авторы подали ходатайство о пересмотре решения по их ходатайству о предоставлении убежища, отметив, что для М.С. запланировано проведение магнитно-резонансной томографии, которая должна показать, позволяет ли ее анатомическое строение установить ей кохлеарный имплант. В своем промежуточном решении от 27 марта 2018 года Государственный секретариат по вопросам миграции отказался отменять исполнение решения о высылке. На следующий день семья была задержана и выслана в Российскую Федерацию. Решение Государственного секретариата так и не было доведено до их сведения, поэтому они не смогли указать почтовый адрес в соответствии с решением. Внутренним решением от 20 апреля 2018 года Государственный секретариат отклонил ходатайство о пересмотре решения по их делу.

2.6 24 апреля 2018 года Управление по защите детей и взрослых распорядилось прекратить производство по вопросу о применении к М.С. и К.С. предусмотренных для детей мер защиты на основании того, что оно стало беспредметным в результате отъезда семьи⁴. Авторы утверждают, что Управление не сообщило их представителю о вынесенном им решении и сроках его обжалования, когда он пришел ознакомиться с соответствующими документами. Решением от 2 июля 2018 года Апелляционная комиссия кантона Санкт-Галлен отклонила апелляцию, поданную адвокатом, который не был на это уполномочен авторами и который не использовал дополнительный срок, предоставленный для представления соответствующего разрешения.

2.7 Внутренним решением от 21 июня 2018 года Государственный секретариат по вопросам миграции отклонил новое ходатайство о пересмотре решения по делу авторов и выдаче виз, чтобы семья могла вернуться в Швейцарию. 24 июля 2018 года

³ Согласно письму из Центра детской и подростковой психиатрии кантона Санкт-Галлен от 5 июля 2016 года, у К.С. диагностировано серьезное посттравматическое стрессовое расстройство, предположительно связанное с перенесенными им многочисленными травмами в стране происхождения.

⁴ В своем письме от 1 марта 2018 года, направленном в Управление по защите детей и взрослых Тоггенбурга, авторы утверждают, что существующие в центре условия не соответствуют потребностям М.С. и К.С. в развитии и что им не были предоставлены возможности получения образования в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Конвенции. Авторы ссылаются также на письмо Управления от 9 ноября 2016 года.

Федеральный административный суд отклонил апелляцию на это решение. Кроме того, в июле 2018 года в ответ на письма, в которых указано, что М.С. и К.С. не получают школьное образование и медицинскую помощь в Российской Федерации, Управление по защите детей и взрослых Тоггенбурга сообщило, что не будет предпринимать никаких дальнейших шагов.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что государство-участник в нарушение статьи 4 Конвенции недостаточно интегрировало Конвенцию в рамках Федерального закона о предоставлении убежища, Федерального закона об иностранцах и интеграции и Закона Санкт-Галлена об отправлении правосудия по административным делам. Кроме того, федеральной законодательной властью кантонам было разрешено с 1 января 2008 года сократить социальную помощь до уровня чрезвычайной помощи для просителей убежища, в отношении которых было вынесено решение о непринятии их дела к производству, что представляет собой нарушение статьи 4 Конвенции в связи с нарушением принципа сохранения статус-кво на момент присоединения государства к Конвенции.

3.2 Авторы утверждают, что государство-участник нарушило права К.С., предусмотренные статьей 22 Конвенции, поскольку его власти не учли положения Конвенции при рассмотрении его ходатайства о предоставлении убежища, не рассмотрели вопрос о преследовании с учетом присущих ребенку особенностей, не предоставили ему юридическую помощь и взыскали с него высокие процессуальные издержки. В нарушение статьи 12 Конвенции К.С. не был заслушан, хотя Государственный секретариат по вопросам миграции не ставил под сомнение его рассудительность, а в Конвенции не установлен минимальный возраст, при котором ребенок может быть заслушан. Кроме того, всегда считалось, что К.С. юридически представлен своими родителями, хотя он не выбирал их в качестве своих представителей.

3.3 Согласно утверждениям авторов, Кантональное управление по вопросам миграции отказало М.С. в установке кохлеарного импланта и не обеспечило обучение ее жестовому языку в нарушение пункта 1 статьи 23, пункта 1 статьи 24, пункта 1 статьи 26 и статьи 27, рассматриваемых в совокупности со статьями 2 и 3 Конвенции. Власти государства-участника выслали ее в Российскую Федерацию, не имея гарантий того, что ей будет установлен кохлеарный имплант и что она сможет обучиться жестовому языку в Российской Федерации. По мнению авторов, из-за существующей в Российской Федерации коррупции доступ к специализированной медицинской помощи не гарантирован, и власти государства-участника должны были провести в этой связи проверку. Кроме того, в нарушение пункта а) статьи 37 Конвенции М.С., по всей вероятности, всю жизнь будет страдать от изоляции из-за ее нарушений со слухом. Из-за неспособности выражать свои мысли она подвергается риску неправомерного обращения. Кроме того, она может подвергнуться дискриминации как неграмотная девочка-инвалид из этнического и религиозного меньшинства и, более того, из неполной семьи, поскольку после высылки семьи из страны ее отец исчез. Таким образом, М.С. подвергается риску эксплуатации в нарушение статей 32, 34 и 36 Конвенции. С учетом личных связей М.С. у государства-участника было больше возможностей защитить ее от этих рисков, чем у Российской Федерации. Кроме того, государство-участник нарушило пункт 1 статьи 23 Конвенции в отношении К.С., поскольку не было проведено никакой проверки, чтобы узнать, сможет ли он получить психотерапевтическую помощь в Российской Федерации.

3.4 Кроме того, в нарушение статей 12, 13, 14 и 17 Конвенции власти государства-участника воспрепятствовали формированию у М.С. способности выражать свои мысли, чтобы взрослые могли понимать и учитывать их, а также затруднили формирование у нее собственных взглядов. Таким образом, М.С. и К.С. не имели доступа ни к Государственному секретариату по вопросам миграции, ни к Федеральному административному суду. Несмотря на положения статьи 24 Закона Санкт-Галлена об отправлении правосудия по административным делам, авторы не были проинформированы о решении Кантонального управления по вопросам

миграции или Управления по защите детей и взрослых об отказе в установке кохлеарного импланта. Кроме того, они не были проинформированы о своем праве подать жалобу на помещение их в центр Зебен, связанное с этим отсутствием доступа к социальным услугам и отказ в установке кохлеарного импланта.

3.5 Авторы утверждают, что была нарушена статья 3 Конвенции, поскольку власти государства-участника не обеспечили систематический учет интересов М.С. и К.С. Они утверждают, что их право не подвергаться дискриминации на основе их соответствующей инвалидности и в связи со взрослыми согласно статье 2, рассматриваемой в совокупности со статьей 3 Конвенции, было нарушено властями государства-участника. Кроме того, власти нарушили статью 2, рассматриваемую в совокупности со статьей 19 Конвенции, поскольку Управление по защите детей и взрослых Тоггенбурга не провело оценку существующей для детей опасности, лишив тем самым М.С. и К.С. защиты, предусмотренной для детей-мигрантов. Неоказание Управлением поддержки родителям в уходе за их детьми представляет собой нарушение статьи 19 Конвенции. Кроме того, оно не довело до сведения своих российских коллег информацию о том, какие меры защиты, по ее мнению, нужно принять, как того требует Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей.

3.6 Авторы утверждают, что условия жизни в центре для просителей убежища представляют собой нарушение пункта 1 статьи 27 и статьи 31, рассматриваемых в совокупности с пунктом 1 статьи 2 Конвенции. М.С. и К.С. имели лишь крайне ограниченные возможности для отдыха, досуга, установления стабильных отношений и участия в культурной жизни из-за отсутствия у семьи денег, того, что в их распоряжении была лишь одна комната, а также из-за удаленности от центра ближайшего села. Отсутствие надлежащих социальных контактов и стимулов не позволило им развить социальные навыки, сравнимые с навыками швейцарских детей, что является нарушением пункта 2 статьи 6, рассматриваемого в совокупности со статьей 2 Конвенции. В нарушение пункта 1 статьи 28 и статьи 29 Конвенции М.С. и К.С. не были охвачены школьным образованием. Таким образом, М.С., скорее всего, на всю жизнь останется без языковых навыков. Кроме того, авторы утверждают, что был нарушен пункт 2 статьи 2 Конвенции, поскольку семья была лишена социальных услуг с начала второй процедуры предоставления убежища. Как дети З.С. и А.С., которые впервые подали ходатайство о предоставлении убежища, М.С. и К.С. имели право на эти услуги.

3.7 Авторы утверждают, что в нарушение статьи 20, рассматриваемой в совокупности со статьей 3, а также статьи 25 и пункта 1 статьи 27 Конвенции, власти государства-участника не провели никакой проверки на предмет возможности получения М.С. специального образования или минимального уровня жизни в Российской Федерации⁵. Кроме того, они не провели проверку на предмет соблюдения Российской Федерацией Факультативного протокола к Конвенции, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Кроме того, в нарушение пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 16 Конвенции в результате высылки М.С. была лишена возможности продолжать общаться со своим сурдопедагогом — единственным лицом, с которым она могла общаться. М.С. родилась в Швейцарии, прожила там сорок семь месяцев и на момент своего возвращения совсем не помнила Российскую Федерацию.

3.8 Наконец, в связи с вышеупомянутыми нарушениями авторы утверждают, что высылка М.С. из Швейцарии представляет собой нарушение статьи 11 Конвенции.

⁵ E/C.12/RUS/CO/6, пп. 40 и 44.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях от 20 сентября 2019 года государство-участник отмечает, что 22 октября 2018 года, после представления настоящего сообщения, М.С. подала в Государственный секретариат по вопросам миграции ходатайство о выдаче разрешения на въезд в Швейцарию в связи с нарушением статьи 8 Конвенции. 27 декабря 2018 года Государственный секретариат вынес решение об отказе рассматривать это ходатайство в связи с отсутствием у него на это юрисдикции. 23 апреля 2019 года Федеральный административный суд отклонил поданную апелляционную жалобу, отметив, что М.С. была предоставлена возможность изложить свою позицию при рассмотрении дела в первой инстанции и по апелляционной процедуре и она направила ему в этой связи несколько писем.

4.2 Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым из-за отсутствия действующего разрешения. В представленном разрешении значатся только К.С. и авторы, а М.С. в нем не упоминается, поэтому г-н Рюст-Хели не уполномочен представлять ее интересы. Кроме того, в этом документе дата была проставлена лишь г-ном Рюст-Хели, но не авторами. Содержащаяся в сообщении запись о том, что адрес проживания семьи в Российской Федерации неизвестен, позволяет предположить, что адвокат потерял с семьей связь.

4.3 Ссылаясь на практику Федерального суда, государство-участник утверждает, что, за исключением статьи 12 Конвенции, ни одна другая упомянутая статья не имеет в данном случае прямого применения, включая статью 3 Конвенции, в которой лишь изложен руководящий принцип.

4.4 Государство-участник утверждает, что авторы не исчерпали внутренние средства правовой защиты в связи со своими жалобами на непринятие мер защиты и на условия жизни М.С. и К.С. в центре для просителей убежища. Во-первых, они знали о решениях Ассоциации мэров кантона Санкт-Галлен и Управления по защите детей и взрослых, но не предприняли никаких действий для их обжалования. Во-вторых, авторы не подавали никаких жалоб на помещение их в центр для беженцев, условия жизни в центре, а также на отсутствие доступа к образованию. С 2015 года М.С. на регулярной основе пользовалась услугами системы дошкольного воспитания, посещала занятия в игровой группе, организованные сурдопедагогической службой, и обучалась жестовому языку. С 2016 года она посещала детский сад при центре при поддержке специализированного педагога из сурдопедагогической службы. С начала 2017 года З.С. также ходила на курсы жестового языка. Кроме того, авторы не подавали никаких жалоб на дискриминацию по признаку инвалидности и не исчерпали средства правовой защиты в связи с их ходатайством о реадмиссии в Швейцарию, по которому Государственный секретариат по вопросам миграции не мог вынести решение по существу в связи с отсутствием у него соответствующей юрисдикции.

4.5 Государство-участник утверждает, что жалобы, касающиеся первой процедуры предоставления убежища и решения Ассоциации мэров кантона Санкт-Галлен, являются неприемлемыми *ratione temporis*, поскольку эти решения были приняты до 24 июля 2017 года — даты вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника.

4.6 Государство-участник также утверждает, что несколько жалоб являются неприемлемыми ввиду их недостаточной обоснованности. В частности, в связи с жалобами по пункту 2 статьи 2 и статьям 13, 14 и 17 Конвенции авторы не объясняют, каким образом были нарушены права М.С. и К.С. Кроме того, они не приводят никаких доказательств, подтверждающих нарушение статьи 8 Конвенции, и не обосновывают свое утверждение о том, что М.С. чувствует себя скорее швейцаркой, нежели россиячкой. В связи с жалобой по статье 11 Конвенции швейцарские власти рассмотрели вопрос о том, является ли возвращение семьи законным, обоснованно необходимым и возможным. Что касается утверждений по статье 16 Конвенции, авторы не разъяснили, почему прекращение общения М.С. со своим сурдопедагогом представляет собой произвольное или незаконное вмешательство в осуществление ее

права на личную жизнь. Жалобы по статьям 32, 34, 36 и 37 носят абстрактный и гипотетический характер.

4.7 Государство-участник также утверждает, что другие жалобы являются явно необоснованными. В связи с жалобой по статье 12 Конвенции государство-участник отмечает, что, согласно практике Государственного секретариата по вопросам миграции, в рамках процедуры предоставления убежища принято исходить из того, что дети становятся рассудительными лишь к 14 годам. Однако на момент принятия соответствующего решения 9 октября 2015 года М.С. было всего 3 года, а К.С. 9 лет. При определении возможности предоставления им статуса беженца Государственный секретариат рассматривал их дела в увязке с ходатайствами их родителей о предоставлении убежища, поскольку их интересы совпадали. Кроме того, у семьи был адвокат. В своем решении от 5 марта 2018 года Федеральный административный суд отметил отсутствие признаков того, что адвокат не смог бы защитить интересы детей, и пришел к выводу об отсутствии необходимости проведения собеседования с К.С. Вторая процедура касалась второго ходатайства о предоставлении убежища, и поэтому решение было принято без проведения нового слушания. Кроме того, ходатайства о пересмотре решения по делу не предполагают права быть заслушанным. Авторы не уточняют, какие факты М.С. и К.С. не смогли изложить из-за того, что с ними не было проведено отдельного собеседования.

4.8 Кроме того, государство-участник утверждает, что жалобы по статье 3 Конвенции явно необоснованны. Оно отмечает, что Государственный секретариат по вопросам миграции и Федеральный административный суд подробно изучили проблемы со здоровьем К.С. и М.С., а также вопросы соответствующего школьного образования и прожиточного минимума. В своем решении от 5 февраля 2013 года Суд пришел к выводу, что гемофилию К.С. можно лечить в Российской Федерации, как это уже делалось в прошлом⁶. В связи с нарушением слуха М.С. Суд отметил, что до 14 лет застрахованные дети имеют право на бесплатную медицинскую помощь в Российской Федерации и что Конституция Российской Федерации гарантирует всем гражданам оказание бесплатной базовой медицинской помощи. Соответственно, Суд пришел к выводу, что лечение в связи с нарушением слуха М.С. может быть получено в Российской Федерации. В своем решении от 21 сентября 2017 года Суд постановил, что в соответствии с практикой Европейского суда по правам человека какие-либо исключительные обстоятельства, которые препятствовали бы высылке, отсутствуют. Он признал, что К.С. вряд ли сможет получить лечение в связи с посттравматическим стрессовым расстройством в Чечне, но напомнил, что семья может воспользоваться внутренним авиасообщением, чтобы получить необходимое лечение в Москве или других городах, где семья уже останавливалась в прошлом и где у нее есть связи, родственники и друзья. Суд также рассмотрел вопрос о благополучии детей, отметив, что К.С. провел большую часть своей жизни в Российской Федерации, а М.С., которая еще не достигла школьного возраста, провела там два года. Суд установил, что они не интегрировали в швейцарскую жизнь значительным образом и что им не угрожает опасность подвергнуться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. В своем решении от 5 марта 2018 года суд установил, что просьбы К.С., а также его родителей, адресованные Управлению по защите детей и взрослых, уже были рассмотрены в ходе предыдущего разбирательства и что положение семьи с тех пор существенно не изменилось.

4.9 Государство-участник отмечает, что после закрытия первой процедуры предоставления убежища семья решила добровольно вернуться в Чечню и не воспользовалась при этом ни проектом по реинтеграции, предусматривающим финансовую и медицинскую помощь, ни медицинскими услугами в Российской Федерации. Поэтому утверждения об опасности нарушения Конвенции носят гипотетический характер. Кроме того, семья может отстаивать свои права с помощью средств правовой защиты в Российской Федерации.

4.10 В связи с жалобами по статьям 2 и 19 Конвенции, касающимися Управления по защите детей и взрослых, государство-участник отмечает, что Управление не может

⁶ В сообщении авторы не упоминали наличие у К.С. гемофилии.

санкционировать установку кохлеарного импланта в случае неопределенного статуса проживания. По данным Детской больницы восточной части Швейцарии, такие медицинские манипуляции не проводятся при отсутствии вида на жительство в связи с необходимостью постоянного наблюдения за пациентом в течение не менее двух–трех лет. Государство-участник отмечает, что органы по вопросам предоставления убежища учитывают решения Управления по защите детей и взрослых, как это было сделано в настоящем деле, но не связаны ими.

4.11 Кроме того, государство-участник утверждает, что сообщение является необоснованным по вышеизложенным причинам.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 19 декабря 2019 года авторы утверждают, что Управление по защите детей и взрослых Тоггенбурга и Ассоциация мэров кантона Санкт-Галлен не проинформировали их о своих решениях. В частности, письмо Управления от 9 ноября 2016 года не было им направлено, и они не были проинформированы о возможных средствах правовой защиты, в том числе в связи с социальным обеспечением и условиями их содержания в центре для просителей убежища. Предоставляемые в центре образовательные услуги, включая обучение жестовому языку, были скудными и не соответствовали правовым требованиям в отношении квалификации и численности персонала, продолжительности обучения и содержания программ. Кроме того, их представители в рамках процедуры предоставления убежища не имели достаточных финансовых средств, чтобы представлять их интересы где-либо еще. Поскольку авторы не были уведомлены о решении Государственного секретариата по вопросам миграции от 27 марта 2018 года до их высылки, которая состоялась на следующий день, они не смогли указать свой почтовый адрес и обжаловать это решение.

5.2 Авторы оспаривают утверждение о том, что выданное разрешение не распространяется на М.С. Они отмечают, что власти оказали ей чрезвычайную помощь лишь во время ее второго пребывания в Швейцарии, и утверждают, что государство-участник не предоставило ей необходимую поддержку для развития языковых навыков. Согласно Гражданскому кодексу Швейцарии и статье 5 Конвенции, ее законным представителем является З.С. Адвокат поддерживает связь с авторами через сурдопедагога, хотя это крайне сложный процесс.

5.3 Авторы оспаривают утверждение о неприемлемости сообщения *ratione temporis* в той мере, в какой оно касается решений Федерального административного суда от 21 сентября 2017 года и 5 марта 2018 года, а также решения Государственного секретариата по вопросам миграции от 27 марта 2018 года. Кроме того, установка кохлеарного импланта приобрела неотложный характер для М.С. в 2018 году, то есть после вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника.

5.4 Ссылаясь на статью 3 Конвенции, авторы утверждают, что власти государства-участника пренебрегли такими важными факторами для развития детей как стабильность, преемственность и безопасность. Кроме того, власти не приняли во внимание неспособность М.С. надлежащим образом общаться со своей матерью и другими людьми, положение глухих людей в Чечне и ситуацию в области безопасности. Авторы оспаривают утверждение о возможности воспользоваться средствами правовой защиты в Российской Федерации⁷. Адвокат отмечает, что ему крайне сложно получить доказательства, касающиеся нынешних условий жизни семьи в Российской Федерации, и что с момента высылки семья вынуждена скрываться.

5.5 В соответствии со статьей 4 Конвенции авторы утверждают, что с учетом разницы между национальными продуктами Швейцарии и Российской Федерации государство-участник не приняло соответствующих мер в максимальных рамках имеющихся у него ресурсов. Авторы утверждают, что власти государства-участника

⁷ CEDAW/C/RUS/CO/8, пп. 11, 21 и 35 а).

не ставили под сомнение прямую применимость статьи 2 Конвенции и что все упомянутые статьи имеют прямое применение.

5.6 Авторы утверждают, что Государственный секретариат по вопросам миграции не доказал, что кохлеарный имплант может быть установлен М.С. в Российской Федерации, и не учел, что она понимает только швейцарский вариант немецкого жестового языка, а также существующую для нее угрозу подвергнуться в Российской Федерации дискриминации. Государственный секретариат также не выявил никаких интересов, которые были бы для М.С. важнее ее жизни в Швейцарии. Ее языковая принадлежность связана со швейцарским вариантом немецкого языка, и она ничего не знает о своей гражданской принадлежности к Российской Федерации. Сурдопедагог играет важную эмоциональную и языковую роль в ее жизни. Таким образом, решение о высылке не позволило ей развить свою самобытность и овладеть языком, что является нарушением статей 8 и 12 Конвенции.

5.7 Авторы вновь заявляют, что политика Государственного секретариата по вопросам миграции, согласно которой заслушиваются лишь дети в возрасте 14 лет и старше, представляет собой нарушение статьи 12 Конвенции. Авторы утверждают, что интересы детей всегда отличаются от интересов их родителей. Однако К.С. так и не была предоставлена возможность выбрать своего представителя.

5.8 Ссылаясь на статью 19 Конвенции, авторы утверждают, что отсутствие у Управления по защите детей и взрослых Тоггенбурга надлежащих ресурсов не может служить обоснованием отказа в установке кохлеарного имплантата. Установка такого имплантата представляет собой меру защиты, закрепленную в статье 307 Гражданского кодекса Швейцарии и статье 19 Конвенции. Управление признало, что М.С. нуждается в ней, но решило избежать создания препятствий для ее высылки. По мнению авторов, Ассоциация мэров кантона Санкт-Галлен является частной структурой, которая присвоила себе полномочия по принятию решений в отношении предоставления чрезвычайной помощи без заключения соглашения в этой связи с какой-либо коммунальной.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в том или ином сообщении, Комитет в соответствии с правилом 20 своих правил процедуры согласно Факультативному протоколу должен решить, является ли это сообщение приемлемым по смыслу Факультативного протокола.

6.2 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым из-за отсутствия действующего разрешения, поскольку М.С. не давала своего согласия на представление ее интересов, авторы не поставили дату рядом со своими подписями и адвокат потерял связь с семьей после ее высылки в Российскую Федерацию. Что касается согласия М.С., Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что она не может дать своего прямого согласия на представление ее интересов адвокатом авторов. Комитет считает, что как родители М.С. авторы обосновали свои действия и что, с учетом информации, содержащейся в материалах дела, представление сообщения отвечает наилучшим интересам М.С. в соответствии с пунктом 3 правила 13 правил процедуры согласно Факультативному протоколу. В связи с утверждением об отсутствии даты рядом с подписями авторов Комитет отмечает, что подписанная авторами и К.С. доверенность дает адвокату право подать на рассмотрение Комитета индивидуальное сообщение от их имени и представлять их интересы в рамках разбирательства по их делу в Комитете⁸. Наконец, Комитет принимает к сведению разъяснение адвоката о том, что он продолжает поддерживать с семьей связь. Кроме того, Комитет отмечает, что адвокату трудно поддерживать связь с семьей из-за того, что она была депортирована из Швейцарии, и что в материалах дела отсутствуют какие-либо указания на то, что авторы больше не

⁸ М.С.П.-Б. и С.П. против Нидерландов (CCPR/C/123/D/2673/2015), п. 6.4.

заинтересованы в продолжении рассмотрения Комитетом их сообщения⁹. Следовательно, Комитет считает, что правило 13 его правил процедуры согласно Факультативному протоколу не препятствует признанию им сообщения приемлемым. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что пункт 2 статьи 5 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению им данного сообщения.

6.3 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что в связи с жалобами авторов прямо применима лишь статья 12 Конвенции. В этой связи Комитет напоминает, что в Конвенции признается взаимозависимость и равноценная важность всех прав (гражданских, политических, экономических, социальных и культурных), которые позволяют всем детям развивать свои психические и физические возможности, индивидуальность и способности в наиболее полной степени¹⁰. Он также напоминает о том, что принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции, представляет собой тройное понятие, которое одновременно является материальным правом, толковательным принципом и правилом процедуры¹¹. В этой связи Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 1 а) статьи 5 Факультативного протокола индивидуальные сообщения могут представляться против государства — участника Конвенции лицами или группами лиц, или от имени таких лиц или групп лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения этим государством-участником любого из прав, предусмотренных в Конвенции. Соответственно, Комитет считает, что в пункте 1 а) статьи 5 Факультативного протокола нет ничего, что могло бы указывать на ограниченный подход к правам, на нарушение которых можно ссылаться в рамках процедуры рассмотрения индивидуальных сообщений. Комитет также напоминает, что в прошлом он уже выносил решения по предполагаемым нарушениям соответствующих статей, на которые ссылались в рамках механизма представления индивидуальных сообщений¹².

6.4 В соответствии с пунктом d) статьи 7 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался Комитетом и не рассматривался или не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.5 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что авторы не исчерпали внутренние средства правовой защиты в связи со своими жалобами на непринятие надлежащих мер защиты медицинского, образовательного и социального характера и на условия жизни М.С. и К.С. в центре для просителей убежища. Он также принимает к сведению утверждение авторов о том, что они не были проинформированы о решениях Управления по защите детей и взрослых, Ассоциации мэров кантона Санкт-Галлен и Кантонального управления по вопросам миграции и что письмо Управления по защите детей и взрослых от 9 ноября 2016 года не было им направлено. Комитет отмечает, что из материалов дела следует, что инвалидность М.С. была оформлена не позднее 16 января 2013 года. Хотя авторы утверждают, что обращались с различными запросами по этому поводу, они, судя по всему, не предприняли никаких шагов для обращения в суд с жалобой на то, что они не были уведомлены о принятых решениях. Кроме того, по всей видимости, семья не предприняла никаких шагов для того, чтобы опротестовать в судебном порядке ее помещение в центр в августе 2015 года, а также условия ее проживания в центре. Комитет отмечает, что ничто не указывает на то, что обращение с жалобой на отсутствие решений или уведомления о решениях не принесло бы никаких результатов. Кроме того, Комитет не может сделать вывод о том, что авторам не было доступно ни одно средство правовой защиты исключительно на основании их утверждения о том, что их представители в рамках процедуры предоставления

⁹ Cour européenne des droits de l'homme, *N.D. et N.T. c. Espagne*, requêtes nos 8675/15 et 8697/15, arrêt, 13 février 2020, par. 72 et 73.

¹⁰ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 15 (2013), п. 7.

¹¹ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 14 (2013), п. 6.

¹² *Ж.А.Б. против Испании* (CRC/C/81/D/22/2017), п. 12.5; *М.Т. против Испании* (CRC/C/82/D/17/2017), п. 12.5; *К.Р. против Парагвая* (CRC/C/83/D/30/2017), п. 7.5; и *Е.А. и Ю.А. против Швейцарии* (CRC/C/85/D/56/2018), пп. 6.5 и 6.7.

убежища не имели достаточных финансовых средств, чтобы представлять их интересы где-либо еще. Следовательно, Комитет приходит к выводу, что жалобы по статьям 2, 3, 6, 12, 13, 14, 17, 19, 23, 24, 26, 27, 28, 29 и 31 Конвенции являются неприемлемыми в соответствии с пунктом е) статьи 7 Факультативного протокола в той мере, в какой они касаются помещения М.С. и К.С. в центр для просителей убежища и отсутствия мер защиты медицинского, образовательного и социального характера.

6.6 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что жалобы, касающиеся первой процедуры предоставления убежища, являются неприемлемыми *ratione temporis*. Однако он считает, что последствия этой процедуры, включая рассмотрение властями государства-участника вопроса о возможности установки М.С. кохлеарного импланта в Российской Федерации, имели место и после вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что пункт е) статьи 7 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению им в этом отношении жалоб, касающихся вышеуказанной процедуры.

6.7 В связи с утверждениями авторов по статьям 4 и 11 Конвенции Комитет считает, что авторы недостаточно обосновали эти утверждения, и объявляет их неприемлемыми в соответствии с пунктом ф) статьи 7 Факультативного протокола.

6.8 Комитет принимает также к сведению утверждение государства-участника о том, что жалобы, касающиеся процедур предоставления убежища, являются явно необоснованными или недостаточно аргументированными. Однако он считает, что в этой части сообщения затрагиваются вопросы существа в связи с Конвенцией в той мере, в какой она касается права К.С. быть заслушанным в соответствии со статьей 12 Конвенции, а также принятия решения о возвращении М.С. в Российскую Федерацию с учетом ее инвалидности по слуху в соответствии со статьей 3, пунктом 2 статьи 6 и статьями 24 и 37 Конвенции. В этой связи Комитет объявляет эту часть сообщения приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 10 Факультативного протокола.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что решение властей государства-участника о высылке М.С. в Российскую Федерацию представляет собой нарушение ее прав по статье 3, пункту 2 статьи 6 и статьям 24 и 37 Конвенции, поскольку Федеральный административный суд не рассмотрел вопрос о том, будет ли М.С. иметь возможность установки кохлеарного импланта и получения специального образования в Российской Федерации, и постановил выслать семью в Российскую Федерацию, зная, что установка такого имплантата не гарантирована и что в случае его отсутствия М.С. столкнется со слуховой изоляцией и опасностью подвергнуться эксплуатации и неправомерному обращению. По мнению авторов, Суд также пренебрег вопросом о том, сможет ли К.С. получить психотерапевтическую помощь в Российской Федерации. Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает утверждения авторов и заявляет, что его власти обеспечили соблюдение прав детей, закрепленных в Конвенции.

7.3 Комитет напоминает, что государства не должны возвращать ребенка в ту или иную страну, если имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность того, что ему может быть причинен непоправимый вред, например, но отнюдь не исключительно, такой, какой оговорен в статьях 6 и 37 Конвенции. Оценку степени риска таких серьезных нарушений следует проводить с учетом факторов возраста и пола, а также, например, особо серьезных последствий недоедания или недостаточности медицинских услуг для детей¹³. Кроме того, такая оценка должна проводиться в соответствии с принципом осмотрительности и в случае наличия обоснованных сомнений в том, что принимающее государство может защитить

¹³ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 6 (2005), п. 27.

ребенка от таких угроз, государства-участники должны воздерживаться от депортации ребенка¹⁴. Одним из наиболее важных соображений, которые надлежит учитывать при принятии решений, касающихся депортации ребенка, должно быть обеспечение наилучших интересов ребенка, и такие решения должны приниматься в соответствии с процедурой, предусматривающей надлежащие процессуальные гарантии того, что после возвращения ребенка ему будет обеспечена безопасность и предоставлены надлежащий уход и возможности для осуществления его прав.

7.4 Комитет также напоминает о том, что, как правило, рассмотрение фактов и доказательств, а также толкование и применение национального законодательства входит в компетенцию национальных органов за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение является очевидно произвольным или приравнивается к судебной ошибке. В этой связи Комитет не подменяет собой национальные органы при толковании национального законодательства и оценке фактов и доказательств, однако он обязан проверить отсутствие произвола или отказа в правосудии в оценке властей и гарантировать, что в качестве основного критерия в этой оценке был использован принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка¹⁵. Комитет напоминает также, что принцип недопустимости принудительного возвращения не дает права оставаться в стране только на основании различий в медицинских услугах, которые могут существовать между государством происхождения и государством убежища, или для того, чтобы продолжить медицинское лечение в государстве убежища, за исключением тех случаев, когда такое лечение является необходимым для жизни и надлежащего развития ребенка и отсутствует или является недоступным в государстве возвращения¹⁶.

7.5 В данном случае Комитет отмечает, что в своем решении от 5 февраля 2013 года Федеральный административный суд пришел к выводу, что лечение в связи с потерей слуха может быть получено в Чечне, с учетом того, что чеченские дети имеют право на бесплатную медицинскую помощь до 14 лет, если они застрахованы по обязательному медицинскому страхованию, и что Конституция Российской Федерации гарантирует всем гражданам оказание бесплатной базовой медицинской помощи. Комитет отмечает также, что в своем решении от 21 сентября 2017 года Суд учел существующие у М.С. проблемы со здоровьем, но отметил, что ничто не указывает на наличие для нее конкретной опасности по смыслу пункта 4 статьи 84 Федерального закона об иностранцах и интеграции, такой как недоступность необходимой медицинской помощи в стране происхождения. Суд рассмотрел вопрос о доступности психиатрического лечения для К.С. в Российской Федерации, отметив, что, хотя есть сомнения в том, что такое лечение может быть получено в Чечне, в других частях страны есть города, где существует вся необходимая для этого медицинская инфраструктура и куда семья могла бы переехать. Суд также рассмотрел вопрос о доступе к системе здравоохранения, отметив, что процедуры временной регистрации по месту пребывания или постоянной регистрации по месту жительства в Российской Федерации были значительно упрощены для чеченцев и что систематической дискриминации в отношении этой группы населения не существует. Он также изучил последствия возвращения детей для их социальной, образовательной и личной жизни, а также для их физического и психического развития, и отметил, что, согласно медицинским заключениям, психологические трудности и нарушения в развитии детей могут быть устранены в стабильной среде, которая может быть создана родителями.

7.6 Вместе с тем Комитет отмечает имеющуюся у него информацию о том, что кохлеарный имплант может быть установлен только в первые годы жизни ребенка и что отсутствие его своевременной установки может нанести значительный вред здоровью и развитию ребенка. Комитет также отмечает, что на момент возвращения семьи в Российскую Федерацию 28 марта 2018 года М.С. было 6 лет и что, согласно имеющейся информации, 14 марта 2018 года педиатром было подтверждено, что по

¹⁴ *К.И.М. против Дании* (CRC/C/77/D/3/2016), п. 11.8; и *С.Ц. и др. против Дании* (CRC/C/85/D/31/2017), п. 8.3.

¹⁵ *С.Е. против Бельгии* (CRC/C/79/D/12/2017), п. 8.4; и *Е.А. и Ю.А. против Швейцарии*, п. 7.2.

¹⁶ *Г.Р. и др. против Швейцарии* (CRC/C/87/D/86/2019), п. 11.6.

медицинским показаниям кохлеарный имплант должен был быть установлен М.С. безотлагательно, то есть не позднее того же года, поскольку это единственный способ вернуть ей слух. Комитет обеспокоен тем, что, несмотря на подтвержденную необходимость оказания незамедлительной медицинской помощи, власти государства-участника, по всей видимости, не проверили конкретно факт того, будет ли М.С. своевременно предоставлена возможность установки кохлеарного импланта в Российской Федерации, в частности с учетом того, что семье придется переехать из родной Чечни в другую часть страны, чтобы К.С. мог получать непрерывное психиатрическое лечение, которое не доступно в Чечне. В этом контексте представляется маловероятным, что семья сможет обеспечить М.С. возможность незамедлительной установки кохлеарного импланта. В этой связи Комитет напоминает, что в случае возвращения в страну происхождения детей, должны быть приняты эффективные меры по их реинтеграции, включая немедленные меры защиты, в частности, для обеспечения их реального доступа к медицинскому обслуживанию. Кроме того, Комитет отмечает, что власти государства-участника, по всей видимости, не рассматривали конкретно вопрос о дополнительной поддержке, которая потребуется М.С. как ребенку с инвалидностью, включая возможность изучения ею другого жестового языка в Российской Федерации. В этой связи Комитет отмечает, что, согласно медицинскому заключению от 31 августа 2015 года, у М.С. отмечалась значительная задержка развития с момента ее первого отъезда из Швейцарии в декабре 2013 года. С учетом всех конкретных обстоятельств данного дела Комитет приходит к заключению, что власти государства-участника не приняли всех необходимых мер для обеспечения того, чтобы М.С. могла получить безотлагательную медицинскую помощь и поддержку, необходимую для ее надлежащего развития. Таким образом, Комитет делает вывод о том, что государство-участник нарушило права М.С. по статье 24, рассматриваемой в совокупности со статьей 3 и пунктом 2 статьи 6 Конвенции.

7.7 С учетом этого вывода Комитет постановляет не рассматривать другие утверждения авторов по пункту а) статьи 37 Конвенции, основанные на тех же фактах.

7.8 Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что К.С. не был заслушан в рамках процедур предоставления убежища. Кроме того, он принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что К.С. не был заслушан ввиду его малолетнего возраста и того, что интересы детей совпадают с интересами родителей и что он мог реализовать свое право быть заслушанным через авторов и их адвоката. Комитет отмечает, что статьей 12 Конвенции гарантируется право ребенка быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя. Вместе с тем он напоминает, что в статье 12 не устанавливается какого-либо возрастного ограничения в отношении права ребенка выражать свои взгляды и она не поощряет государства-участники к введению в законодательстве или на практике возрастных ограничений, которые бы ущемляли право ребенка быть заслушанным по всем затрагивающим его вопросам¹⁷. Кроме того, Комитет напоминает, что государства-участники должны обеспечить, чтобы взгляды ребенка воспринимались всерьез, а не просто заслушаны в порядке выполнения формальностей¹⁸. Он также напоминает, что в контексте иммиграционных процедур и процесса получения убежища дети находятся в особенно уязвимом положении, поэтому крайне необходимо обеспечить выполнение в полном объеме их права выражать свое мнение по всем аспектам иммиграционных процедур и порядка получения убежища, в том числе путем предоставления ребенку возможности разъяснить причины, которые побудили его просить убежище¹⁹. Комитет напоминает также, что определение наилучших интересов детей требует, чтобы их ситуация оценивалось отдельно, какими бы ни были причины, заставившие их родителей подать ходатайство о предоставлении убежища. Соответственно, Комитет не согласен с

¹⁷ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 12 (2009), п. 21; и *Е.А. и Ю.А. против Швейцарии*, п. 7.3.

¹⁸ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 12 (2009), п. 45.

¹⁹ Там же, п. 123.

утверждением государства-участника о том, что К.С. не должен был быть заслушан, поскольку его интересы совпадали с интересами родителей. Поэтому с учетом обстоятельств данного дела Комитет приходит к выводу, что непроведение собеседования непосредственно с К.С. представляет собой нарушение статей 3 и 12 Конвенции.

8. Таким образом, государство-участник должно предоставить М.С. эффективное возмещение, включая надлежащую компенсацию. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы подобные нарушения прав, содержащихся в статьях 3, 12 и 24 Конвенции, не повторялись в будущем. В этой связи Комитет рекомендует государству-участнику обеспечить, чтобы детям систематически предоставлялась возможность быть заслушанными при принятии любого затрагивающего их решения, чтобы информация о возможности, условиях и последствиях проведения с ними собеседования в контексте процедур предоставления убежища предоставлялась им на понятном им языке и чтобы национальные протоколы, применяемые к высылке детей, соответствовали Конвенции. Государству-участнику следует также обеспечить, чтобы при рассмотрении ходатайства ребенка о предоставлении убежища, обусловленного его потребностью в медицинском лечении, необходимом для его развития, проводилась оценка наличия и практической доступности такого лечения в государстве, в которое высылается ребенок.

9. В соответствии с положениями статьи 11 Факультативного протокола Комитет просит государство-участник как можно скорее, но не позднее, чем через 180 дней, представить ему информацию о мерах, принятых им в целях выполнения настоящих Соображений. Государству-участнику также предлагается включить информацию о соответствующих принятых мерах в свои доклады Комитету, представляемые в соответствии со статьей 44 Конвенции. Наконец, Комитет просит государство-участник обеспечить публикацию настоящих соображений и их широкое распространение на официальных языках государства-участника.
